

ВЛАДИМИР СОНИН

ГОШТАНЫ ШТАНЫ

«ДА ВАМ
ТАКИЕ ДЕЛА
И НЕ СНИЛИСЬ!»

Владимир Сонин

Гошины штаны

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Сонин В.

Гошины штаны / В. Сонин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-96953-7

Это история о том, как несколько подонков стараются сделать мир немного хуже. Им многое позволено, и они уверены, что так будет всегда. Что никто и никогда не сможет остановить этот отвратительный, гнусный спектакль, в котором они — на первых ролях. Но приходит новый день и вместе с ним — новая, совсем другая жизнь, где им больше не находится места... Повесть «Гошины штаны» — яркая, исполненная драматизма история о том странном времени начала XXI века, когда лихие девяностые остались позади, но не все еще успели заметить и принять надвигающиеся перемены. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96953-7

© Сонин В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть 1. Гоша	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Сонин

Гошины штаны

От автора

Сразу начну с того, что повесть эта – чистый вымысел, любые совпадения случайны и тому подобное.

Сами понимаете, я должен был это сказать, а то мало ли что – еще кто-нибудь, прочитав, узнает себя... Нет-нет, узнавать тут некого. Разве что то время, которое было, но прошло – надеюсь, навсегда. И это не про восемнадцатый век. В этой истории основное действие разворачивается каких-нибудь двадцать лет назад, но мы-то тем и отличаемся, что за эти два десятка лет можем сменить хоть семнадцать эпох. А что нам?

За литературное редактирование спасибо Веронике Давыдовой, которая работала и с двумя моими предыдущими книгами («На буксире» и «Одна вторая»). Получилось очень хорошо. Впрочем, это уже традиционно и ожидаемо. Она сделала текст грамотным, полностью сохранив авторский стиль, что для меня особенно важно.

Зоряне Визор в очередной раз спасибо за обложку. Долго мы с ней (но больше все же она) искали то, что может подойти, и в итоге, кажется, нашли. По крайней мере мне такая обложка очень нравится: она хорошо отражает настроение написанного, и тематическая связь с содержанием есть. И за основу взята оригинальная картина – холст, масло. Тоже уже, можно сказать, традиционно.

Кате, моей жене, спасибо за то, что жадно читала первую версию черновика и говорила, что сил нет как хочется скорее дойти до завершения, а прочитав, сказала, что очень хорошая штука получилась, и долго еще мы обсуждали героев – Гошу и прочих... К тому же она помогла мне исправить некоторые недочеты в содержании, за что я ей премного благодарен.

А еще огромное спасибо всем, кто меня поддерживал, спрашивал, когда выйдет следующая книга, ждал этого, просил прислать сразу же, как только она будет готова, всем, кто в это время читал мои рассказы, которые я писал параллельно, – в общем всем, кто придавал мне сил и энергии для написания моих шедевров (ставить кавычки или нет – решайте сами). Без вас ничего бы не было. Это точно.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать перед тем, как познакомить читателей с Гошей и другими героями этой повести. Сейчас я вам о них все расскажу...

Владимир Сонин

Пролог

Погода была хорошая. На борту судна стояли двое; облокотившись на бортик, они смотрели на воду и разговаривали.

Один из них – мужчина лет около тридцати на вид, в красной футболке, спортивных штанах и кедах. По первому взгляду на него становилось ясно, что деньги у него, судя по всему, какие-никакие, но есть, и чувствует он себя в жизни вполне уверенно. Второй имел вид бывшего десантника: в одних шортах, босиком, с солидным животом и большим серебряным крестом на шее. Лицо у него было суровое, вид доминантный, и чувствовал он себя, не иначе, королем на этой небольшой посудине. Да он и был им: судно принадлежало ему. Губы его двигались не спеша, произношение было характерным, как бы с претензией:

– Костя, я вот смотрю и никак не пойму. Как можно приехать на природу и ходить вот так? – Он показал рукой на кеды собеседника. – Понимаешь, природа – это природа. Как можно по ней ходить в кедах?.. Сколько бы они ни стояли.

Его собеседник молчал, стараясь уловить интонации, предсказать возможный ход дальнейшего разговора и выбрать верную тактику – впрочем, ничем не проявляя этой напряженной умственной деятельности и стараясь выглядеть как можно более непринужденно.

Здоровяк помолчал и продолжил:

– Вот так надо. Хотя бы воздух почувствовать. Воду. Ты хоть ногами пройдишь по песку... Нет, я все понимаю. Привыкли вы так. Нет, я, конечно, не знаю, кем ты работаешь, сколько зарабатываешь. Но знаю вот что... Таким, как ты, все вот так само достается... Ну ясно, родители там, родственники может. Помогли устроиться. А чего так не жить... И делать ни черта не надо.

Снова возникла пауза. Костя по-прежнему молчал.

– Сейчас молодежь вообще не та пошла. Ни черта не умеет. Да и интересы у вас не те. И отдыхать не умеете.

Костя повернул наконец голову в сторону собеседника и сказал негромко:

– Я забыл: тебя как зовут?

Здоровяк посмотрел на него:

– Гоша. Или дядя Гоша.

– Послушай, Гоша. Все ведь просто. Веду себя я так, как мне удобно. Все, что зарабатываю, мое. Все, чего не зарабатываю, не мое. Примерно так.

– А как ты думаешь, сколько мне лет?

– Не знаю. Пятьдесят. Может, пятьдесят пять.

Гоша покачал головой, изображая умудренность житейским опытом:

– Да, пятьдесят пять. Я шестой десяток разменял. Понимаешь, жизнь – она такая... Но я одно понял...

Он вздохнул, подчеркивая тем самым, во-первых, собственное по отношению к собеседнику высокое положение (с точки зрения возраста и житейского опыта, разумеется) и, во-вторых, всю безнадежность ситуации (вроде как: да разве ты поймешь?) – и произнес фразу, которая, по его мнению, содержала самый сокровенный смысл, самую суть бытия и этим словно приравнивала его собеседника к ничтожеству:

– Я понял, что мужик должен быть мужиком.

Костя не смутился, скорее наоборот – придал своему лицу вид еще более равнодушный и скучающий, и спросил, подавляя зевок:

– А баба?

Тут Гоша слегка растерялся, потому что рассчитывал, вероятно, на другую, более агрессивную реакцию, которую уже готов был встретить, однако старался не подавать виду. В глу-

бине души он все же надеялся, что слово за слово провокация удастся – тогда уже можно будет показать себя во всей красе. С Костей же такой номер не прошел, да и не мог бы пройти, учитывая род его деятельности, образ жизни, круг общения и еще множество вещей, с ним связанных. Человеком он был весьма неглупым и, как говорится, тертым калачом, несмотря на свою молодость и почти юношеский вид. Гошу же этот самый, казалось бы, безобидный Костин вопрос, да еще и с зеванием, задел весьма сильно. Неожданная, странная, мерзкая и невиданная реакция на провокацию. Но что делать, пришлось отвечать.

– А баба должна быть бабой.

– Вот здесь ты, Гоша, прав.

И опять Гоша растерялся, но виду не подал, хоть и не знал, что на это сказать. Снова повисло молчание. Костя смотрел вдаль и думал о своем.

Во-первых, о делах: о том, что эти конкуренты опять неладное замышляют (и Михалыч об этом прознал и рассказал); что надо кое-что поправить в производстве (ну, это обычная текучка); что послезавтра придется ехать в администрацию и объяснять, почему просрочка пошла; что через неделю нужно лечь в больницу на операцию (старая история, которая до сих пор дает о себе знать, и вроде ничего серьезного, но волнительно), и много о чем еще – о каждом деле по очереди и обо всех разом (впрочем, привычное состояние для человека, управляющего сложными процессами, людьми и собственной жизнью).

А во-вторых, с самого начала разговора, с того момента, как Гоша встретился ему на палубе и зацепился поговорить, что-то встревожило его сразу же, мгновенно: голос, этот Гошин голос, манера говорить... Какое-то дежавю – гадкое, страшное, но завораживающее («неужели такое может быть?»). И тут же началось изучение и оценка Гоши. И если бы не этот импульс, может быть, и не стал бы Костя тратить время на пустой разговор. «Они там мясо жарят, а я тут на борту с Гошей общаюсь... Ну а что? У каждого свои слабости», – шутил про себя Костя. Изучать людей для него всегда было истинным удовольствием, настоящим, как хобби. А тут так вообще случай особенный.

Поэтому и сейчас, поднявшись на минуту на лодку – сходить в уборную – и встретив Гошу, жаждущего поговорить, Костя не ушел сразу, а решил какое-то время все же провести в таком необычном обществе, пожертвовав минут на десять компанией своей семьи и знакомых, шашлыком и пивом.

После некоторого молчания Гоша решил продолжить:

– Мужик должен все уметь, понимаешь? И дрова рубить, и баб трахать. Мы вот с моей женой живем. С шестой женой. И ничего, не жалуется. Так трахаю ее, что визжит на всю округу.

«На всю округу», – повторилось в Костиной голове. Он смотрел на берег, где двое мужчин стояли около мангала и один из них, Михалыч, со знающим видом вертел шампуры. Две молодые женщины сидели на расстеленном на песке пледе, и большая группа, человек в двадцать, веселилась на некотором расстоянии от них. Костя остановил взгляд на своей жене Ане и сказал:

– То есть счастлива.

– Конечно. Я тебе вот что скажу. Все должно быть правильно. Понимаешь?

Гоша вздохнул, словно выражая сомнение, поймет ли Костя смысл его слов, и продолжил:

– Я только одного человека знаю, который уже в двадцать пять лет имел три высших образования.

– Три высших, – повторил Костя.

– Представь себе. Только одного такого знаю... Это мой сын.

«Вот и сын есть. Еще интереснее», – подумал Костя и сказал:

– Умный, наверное.

– Да, – вздохнул Гоша и продолжил: – Он такие дела делал! Фирмой владел. Это еще когда все хорошо было. Денег тогда гребли...

Говорил Гоша то громче, то тише, словно заговорщически, то медленнее, то быстрее, переходя порой на скороговорку, придавая таким образом своей речи загадочность, а себе – вид человека разбирающегося.

– Тогда такие дела делали... Они там с друзьями фирму сколотили... Это потом...

Костя слушал волнообразно меняющий громкость Гошин голос и едва улавливал суть. Сын – умный, три образования, создал с друзьями фирму, много зарабатывал... Голос похож. Точно похож.

Во время очередного загадочного приглушения речи собеседника Костя спросил:

– А чем он занимается?

– Сидит.

– В смысле – сидит?

– Сидит в тюрьме. В колонии.

«Однако, – подумал Костя. – По описанию – не человек, а золото: и образован, и дело имеет, и вдруг... сидит». Всякое, конечно, могло быть, никто не застрахован. Сбил кого на машине, или в пьяном виде что-то вытворил, или самооборона – и вперед, в места не столь отдаленные, если связей нет. Это с любым может случиться. Второй вариант – что-то связанное с махинациями, которые в том или ином масштабе имеют место практически в любом бизнесе: уклонение от уплаты налогов, коммерческий подкуп и подобное, без чего не обходится ни одно более или менее серьезное дело. Однако на свой вопрос «А за что сидит?» Костя услышал совсем другое:

– За разбой.

«Неожиданно. Три высших образования, владелец бизнеса, и – за разбой», – подумал он. Правда, живо представлялось Косте, какого качества эти образования могли быть, что за бизнес он мог иметь и какими методами дела вести. Впрочем, бывает всякое, и сын на отца не всегда похож. Хотя зачастую похож. «Интересно, похож ли этот?» – думал Костя.

На Костин вопрос, как так вышло, Гоша не ответил ничего внятного, только что-то прошипел неразборчиво, но после некоторого раздумья добавил:

– Я тебе вот что скажу. Настоящий мужик должен или в армии отслужить... или отсидеть...

– Я так и думал.

– Вот ты служил в армии?

– Нет.

Гоша посмотрел на Костю с выражением лица, изображающим полную безнадежность, слегка покачал головой для усиления эффекта:

– Ну понятно... Я вот служил...

Костя продолжил мысль:

– ...А сын сидит.

Гоша промолчал. Видимо, не захотел больше продолжать тему сына и тюрьмы, по крайней мере вот так, напрямую, и своим, как он полагал, хитрым умом зашел несколько с другой стороны, с философской. Вообще философию (как он ее понимал) Гоша любил и имел привычку отходить от приземленной темы и переключаться на тему более общую, высокую, абстрактную, что, во-первых, показывало его интеллектуальную развитость (как он думал), а во-вторых, позволяло уйти от простых вопросов, на которые надо было так же просто, но по существу отвечать. Попробуй, вот так легко ответить на вопрос, почему сын сидит, и в ответе своем Расскажи: за то, что совершил с приятелями разбойное нападение на магазин конкурента, разгромив там все и самого конкурента избив до полусмерти, да еще и оправдай это. Нет, тут надо не так. Надо сперва перейти на шепот и скороговорку – таинство, а затем на высокое – философию.

– Бывает, люди у меня спрашивают, почему я живу вот так, по понятиям...

И снова задумчивый вид, как будто вселенские проблемы давят на темя, и снова объяснение пространное, высокое:

– Потому что понятия эти правильные... Жизнью сложенные... Вот кто ты по жизни? Нет, не отвечай. Мне не отвечай. Ты себе... себе ответь... Вот. Потому что правильно жить надо.

Костя подумал, что раз началась такая философия, то разговор продлился уже достаточно долго и пора его заканчивать, тем более что на берегу друзья и коллеги, которым нужно наконец уделить время, да и отдохнуть – глотнуть еще пивка и поесть мяса, которое наверняка уже готово: на зря же там Михалыч суетится вокруг мангала. «А насчет Гоши этого надо подумать. Интересно, как его сына зовут».

– Ладно, Гоша, пойду к друзьям. А то они там, наверное, заскучили.

Костя отпустил перила и медленно пошел в сторону носа посуды, чтобы сойти на берег. Он совсем не передумал узнать имя Гошиного сына, но намеренно вел себя так, словно не придает их разговору никакого значения, словно все – между делом. Сделать пару шагов, остановиться и спросить, словно невзначай...

Но сейчас вышло не так. Гоша явно еще не удовлетворился разговором, зашагал рядом с Костей, ступая по палубе своими огромными босыми ногами, и продолжил:

– Тут еще вот в чем проблема...

– В чем?

Гоша снова принял гордый и наставнический вид.

– Современная молодежь книжек не читает... Потому и жизни не знает...

– Вот как...

– Да... Я тебе вот что скажу... Ты почитай Омара Хайяма... Сразу все поймешь... Жизнь поймешь.

– Омар Хайям...

– Да. Запомни: Омар Хайям. Писатель такой.

– Хорошо, Гоша, запомню. Давай, пойду я. Спасибо за разговор. Может, еще поговорим. Позже.

Гоша растянул самодовольную улыбку на своем лице мудреца-наставника:

– Да не за что...

Костя пошел в сторону трапа, однако через несколько шагов остановился, как будто что-то забыл или какая-то мысль пришла ему в голову, и обернулся:

– Гоша...

– Да, – отозвался тот.

– А как твоего сына зовут?

– Вадим... А что?

– Да так... просто... Интересно... – сказал Костя, задумчиво и пристально посмотрев на Гошу, затем развернулся и направился к трапу, чтобы сойти на берег.

Часть 1. Гоша

Глава 1

Костя пошел в сторону трапа, а Гоша отправился в капитанскую рубку, где сидел и разгадывал кроссворды капитан Дырин. Хотя судно и было Гошиным, сам он его не водил и для плаваний нанимал капитана.

Сегодня это был Дырин – лет пятидесяти, с бородой, старавшийся походить на морского волка, но не достигший в этом больших успехов. Во-первых, волком он был не морским, а речным (ходил всю жизнь только по Волге и моря никогда не видел), а во-вторых, выражению его лица не доставало смелости и интеллекта – типичный образчик пролетария, перебивающегося непостоянной работой и явно выпивающего в промежутках. Гоша Дырина знал давно, лет десять, и хотя презирал (однако не больше и не меньше других), но не брезговал с ним поболтать, вернее использовать его как свободные уши для своих рассказов. А вот слушать Дырина Гоша точно не намеревался: во-первых, потому что обычно он в принципе никого не слушал, а во-вторых, капитан был у него мало того что в гостях, так еще и на зарплате. Да Дырин и не рассчитывал на другое, поскольку за годы их знакомства и совместных плаваний уже привык к тому, что его функция сводилась к повторению Гошиных мыслей и поддакиванию, когда нужно. Делать это было несложно, поскольку сам Дырин мнение Гоши часто разделял и уважал его. Вообще он, как и многие, уважал силу.

К самому факту присутствия Дырина (да и любого другого) на борту своего судна Гоша относился очень трепетно. Дело в том, что корабль этот был не только собственно кораблем, но и его домом и вообще единственным имуществом. Здесь было три комнаты. В одной из них жил Гоша с женой, когда ему этого хотелось, вторая была исключительно Гошина, и уходил он туда, когда жена («глупая баба») ему надоедала, и третья – вроде залы, в которой и размещались гости, когда корабль сдавался в аренду, как это было сейчас. Посередине этой залы стоял стол, по обеим сторонам – стулья. На стенах висело несколько картин, и вообще все выглядело достаточно прилично и вполне подходило для размещения одного-двух десятков человек на время прогулки по реке или доставки к месту отдыха. В спальне была двуспальная кровать, тумбочка и зеркало (уголок женской красоты), в Гошиной комнате размещалась небольшая кровать и тумба с телевизором, музыкальным центром и дисками – исключительно шансоном с такими исполнителями, как Михаил Круг, группы «Бутырка», «Воровайки» и прочими представителями жанра. Другой музыки Гоша не признавал и не слушал. Другое, считал он, для сопливых баб.

Таким образом, судно, снабженное всем необходимым (тремя комнатами с мебелью, телевизором и шансоном, туалетом, душем), пускай и без особого шику, вполне годилось для постоянного проживания в теплое время года. Зимой же Гоше приходилось арендовать квартиру – самую дешевую, какую только можно, и пережидать в ней холода, как в берлоге, выходя только на смены и ожидая наступления тепла.

Справедливо будет сказать, что не каждый мог бы жить таким образом, и многие бы в такой обстановке заскучали, а иной даже и отчаялся бы. Да и Гоша, несмотря на все свои особенности, тоже скучал, хотя в этой скуке не всегда даже самому себе признавался. Он влачил такое существование и тосковал по прежним временам, которые прошли безвозвратно, по тем возможностям, какие у него были, по своему положению и влиянию. И никак он не мог понять, отчего вдруг так резко все изменилось, буквально в один миг. И от этого ему было тошно.

Гоша всю жизнь, с самой молодости, исповедовал свою идеологию «настоящего мужика» и закономерно пришел к тому, что имел: отслужил в армии, о чем постоянно и с удовольствием

вспоминал; вырастил сына, которым теперь особенно гордился за то, что тот сел тюрьму; сделал счастливыми (как он думал) пятерых женщин и сейчас радовал шестую, особенно по ночам, раскачивая вместе с ней кровать и все свое судно; выпивал, и много, но не стал алкоголиком; вид имел здоровый, лицо суровое, был близок с природой, книги читал нужные, музыку слушал правильную и работу имел настоящую – охранником. А потому вроде бы и жаловаться ему было не на что.

Но так было не всегда. Не всегда он служил охранником, не всегда зарабатывал тем, что сдавал всяким «соплякам» и «придуркам» в аренду свой корабль, не всегда общался с каким-то Дыриным, к которому раньше бы и на версту не подошел, и не всегда его существование было таким безрадостным.

Он-то был прежним, но что-то случилось с остальными: далеко не все, как ему казалось, теперь в достаточной мере уважали его правильную, настоящую жизнь, его ценности, которые, по его мнению, являлись истинными и никаких других быть не могло. И не пахло теперь ни былым уважением, ни почетом. А вот раньше как треснул бы в рыло тому, кто не понимает!.. А далеко не все разделяли его ценности – настоящие, неподдельные, жизненные. Особенно ни черта в них не понимали всякие сопливые мальчики и девочки, которые на всем готовеньком, у которых «руки из задницы», которые горя не знают, которых воспитывать надо, лепить как тесто, прививать им настоящие человеческие качества. Эти-то сопляки Гошу и раздражали больше всего на свете, и он, как мог, нес свою миссию – делал посильный вклад в развитие культуры и исправление этих «молодых уродцев» на благо общества, которое, в конце концов, должно было стать правильным, зажить по понятиям.

Все это лежало на поверхности, и так понимали Гошу те, кто имел случай с ним соприкоснуться. Настоящая же подоплека его душевных терзаний, конечно же, была скрыта гораздо глубже, и искать ее следовало в самой Гошиной жизни на протяжении последних пары десятков лет.

Гоша зашел в рубку, взял полуторалитровую пластиковую бутылку пива, уже начатую и оставленную им в рубке еще до разговора с Костей, отпил граммов триста и начал разговор:

– Видел уroda?

– Ага, – ответил Дырин. (На самом деле вариантов ответа у него было немного.)

– Еще один маменькин ублюдок. Понарожают гондонов сопливых. А они даже отдохнуть нормально не могут. Про остальное я вообще молчу. Как они живут вообще? Ну скажи, Ваня!

– Да, Гоша...

– Видно же по нему, что задрот. Ни к чему не приучен. Скажи мне. Я не прав, что ли?

– Конечно видно...

– Манерный, руки из жопы. Что вообще в жизни может? Родили его, все ему дали, а он теперь нацепил шмотки да на бабки родительские гуляет. А сам – ни заработать, ни прожить. Посмотрел бы я на него, если бы он один, без помощи, вот так пожил хотя бы месяц. Сдох бы, сука. А не сдох бы, так хоть на мужика стал бы похож. Говно.

Гоша еще отхлебнул:

– И пиво у них говно.

– Да сейчас вообще пива нормального нету, – поддержал Дырин, хотя прекрасно знал Гошино мнение по этому вопросу.

Гоша снисходительно на него покосился и перешел на наставнический полупшепот:

– Есть. Есть, Ваня, нормальное. Места знать надо.

Какие места Гоша имел в виду, было известно всякому, кто был знаком с Гошей и имел счастье хотя бы однажды с ним выпивать. Во время каждой попойки, когда речь заходила о пиве, Гоша рассказывал, что покупает исключительно «Жигулевское», местное, Самарского завода, что это единственное «правильное «Жигулевское» во всей России», что лучше пива не бывает и за всю жизнь лучшего он не пил, хотя пробовал и немецкое, и чешское, и прочее

«суррогатное говно», и очень гордился фактом того, что является настоящим ценителем этого напитка. Стоило кому-то открыть при Гоше бутылку какой-нибудь «Балтики», или «Охоты», или вообще неважно чего, как он подходил и вкрадчиво, но настойчиво рекомендовал:

– Да ты попробуй настоящее пиво. Правильное. Чё ты говно-то пьешь?

Сейчас же ирония была в том, что пиво, которое он держал в руке и хлебал большими глотками, было именно «Жигулевским» Самарского пивоваренного завода, его любимым и восхваляемым. А сегодняшняя компания позаботилась о Гоше и купила ему четыре полторалитровых бутылки (и две бутылки водки в придачу) на время аренды корабля, чтобы Гоше не было скучно, пока корабль их ожидает, а Гоша вместе с ним. Разумеется, такая покупка не была обязательной, потому что плата за аренду судна производилась только деньгами, но все же ребята решили, что нелишним будет порадовать хозяина корабля и чем-нибудь кроме денег.

Но, видимо, такое впечатление произвел на Гошу Костя, что тот и любимого пива не узнал, и факт подарка высоко не оценил.

– Я вот, Ваня, пятьдесят пять лет прожил, чего только ни видел. Противно мне, Ваня, что настоящие мужики живут и работают, как положено, а эти маменькины уроды только деньги тратят и ни черта больше не умеют.

– А как же они уметь-то будут, когда не умеют, Гоша? Это ты вот, я вот. Работаем мы. А они платят, а мы их катаем. На мамкины... это... деньги. А не было бы денег, так и... – неожиданно для самого себя выдал длинную тираду Дырин, однако не окончил ее, вдруг растерявшись то ли от самого этого факта, то ли от удивленного выражения лица Гоши, не привыкшего так долго слушать Дырина.

– Деньги, деньги... Кто бы в них понимал еще... Единственный человек понимал... Вадя... Эх...

Глава 2

Гошин сын Вадим уже пять лет сидел в колонии общего режима под Т..., и предстояло ему отсидеть еще три, если не случится никакая амнистия, досрочное освобождение или что-то в этом роде. Пока же ничего такого не произошло и не предвиделось, и Вадим уныло, но гордо тянул лямку тюремной жизни, вспоминая волю и своих товарищей, которые сейчас находились на свободе и должны были ценить и помнить Вадин поступок, смелый и достойный настоящего мужика: он взял все на себя и сел один.

Было ему сейчас тридцать три года, а в тюрьму он загремел в двадцать восемь, спустя шесть лет после окончания института. И скорее всего загремел бы и раньше, если бы не Гоша со своими связями. А может быть, не загремел бы вообще, но случилось так, что Гошины дела в один момент пошли на спад, и в течение нескольких лет разрушилось все, что он создавал долгие годы.

С горем пополам окончил Вадим институт по модному в тот период направлению «менеджмент», поработал несколько лет на папу (и за это время купил себе еще два диплома), а потом, когда у папы дела стали идти из рук вон плохо, решил заняться собственным бизнесом и этим самым выкопал себе яму. Впрочем, выкапывание ямы началось задолго до этого, в период самого расцвета Гошиного влияния.

В институт Вадим поступил законченным раздолбаем и отлично понимал, что учеба нужна ему исключительно для того, чтобы заиметь диплом, в котором было бы написано, что обладает Вадим квалификацией по специальности «менеджмент». Вообще, надо сказать, что в те годы как будто какое-то затмение нашло на молодежь: после окончания средней школы она так и перла на специальности вроде «менеджмент», «управление», «экономика», «финансы» и прочие схожие, чтобы потом всем дружно стать менеджерами, экономистами, управлять, зашибать деньги и таскать их домой с работы мешками. Не иначе этот всплеск – отголосок девяностых, времени, перевернувшего всю картину ценностей с ног на голову, да еще влияние Союза, в котором понятия менеджмента не существовало как такового. В результате родители этих детей, заставшие и то, и другое время, сделавшие определенные выводы из личного опыта и желающие для своих чад самого лучшего, только и советовали: «Иди учиться на финансиста, будешь деньгами заправлять», «Иди на управление – руководить будешь» – и прочее в таком духе. И кто бы мог подумать, что позже, через каких-нибудь пять-семь лет толпы этих никому не нужных управленцев, экономистов и финансистов окажутся на улицах и будут искать хоть какую-то работу и устраиваться кем угодно. Менеджер – пожалуйста, будешь сотовые телефоны продавать, и выживать на грошовые проценты. Муниципальное управление – тебе тоже рады, будешь тринадцатым помощником начальника отдела культурного наследия в местном отделе культуры, добро пожаловать в полуразваленное сгнившее здание за нищенский оклад. Делать, правда, ничего не надо, но и не жди ничего. Экономика и бухучет – будешь начислять зарплату, работая на самой низкой ставке. А если ты о том, чтобы деньгами заправлять, то это тут другие делают.

Так рушились мечты вчерашних выпускников, которые пять лет в розовых очках ожидали, что сразу после окончания института станут генеральными директорами, главными финансистами, менеджерами крупных проектов и так далее. Но если с иллюзиями ситуация почти одинаковая и рушатся они практически у всех после первого же рабочего дня, то хуже дело обстояло с перспективой: ее вообще не было. Но зато, как это часто случается, она совершенно неожиданно появилась у других.

Кто бы мог подумать, что после десятилетнего развала наша промышленность, технологии, гражданское строительство и прочее начнут если и не подниматься с колен, то хотя бы вставать на колени с лежачего состояния. А они начали. Кто бы мог подумать, что словно бы из

ниоткуда возникнет спрос на инженерный труд. А он возник. И не прогадали те, которые после школы, руководствуясь каким-то только им известным чутьем, пошли в институты учиться на инженеров.

Вадим же не пошел. Во-первых, он был слишком далек от наук, тем более от таких как физика, химия и математика. Во-вторых, смотрел он на родителей-инженеров некоторых своих школьных приятелей, которые работали за нищенские зарплаты и кое-как сводили концы с концами, слушал своего папу Гошу, говорившего об этих «ученых бестолочках» бог знает что, и думал, что однозначно не станет заниматься ничем подобным. За время своего детства он прочно усвоил: известная всем поговорка, гласящая, что ученье свет, а неученье тьма, сильно далека от истины и вообще глупость для разного рода дурачков, готовых за гроши горбатиться на полуразваленных заводах, в нищенских проектных бюро и убогих строительных организациях до пенсии, а потом на пенсии – доживать на государственное подаяние.

Зато Гошины принципы усвоил он в полной мере:

– Сынок, не трать время на всякое дерьмо. Понимаешь...

Потом Гоша придавал своему лицу выражение умудренного опытом человека:

– Надо по жизни правильным мужиком быть. Главное, кто ты вообще. Понимаешь. А эти. Посмотри на них. Учителя твои. Да хочешь, я завтра твоему математику шею сверну или с химичкой так поговорю, что она дорогу домой забудет? Учат они нас. Двойки ставят. А толку? У меня вот все есть. Даже яхта. Вот чему учись, главному – как человеком стать! И как заработать! А эта вся дрянь – для инженеришек и дурачков всяких. Пусть горбчатся на консервном заводе, пока не сдохнут. Их погонять надо! Понял меня?

– Да, папа...

Такие разговоры бывали часто, и Вадим, и без того не горящий желанием хоть сколько-нибудь усердствовать, получал папину поддержку и опору, все больше укрепляясь в убеждении, что все делает правильно.

А все, что он делал, – это шляется с такими же оболтусами по своему району, нагонял страху на местных «лохов», курил в подъездах, а потом, в старших классах, и выпивал. Комплекции он был крупной, за словом в карман не лез, нрава был буйного (пошел в папу), поэтому местные пацаны его уважали и даже побаивались, а оттого чувствовал он себя в пределах родного района как рыба в воде. Играло роль и то, что папу его знали и уважали еще больше, обходя его стороной. Ну и, кроме прочего, у него были деньги.

Деньги Гоше приносил его бизнес, который в начале нулевых (как раз в то время, когда Вадим поступал в институт) переживал свой расцвет, чтобы потом, в течение нескольких лет, стремительно пойти к закату. Конечно, тогда Гоша не знал, даже предположить не мог, что вот уже, можно сказать, завтра останется он практически ни с чем, чувствовал себя вполне уверенно, почти королем и счастлив был безмерно.

Жил от тогда со своей третьей женой, Натальей. Этот брак длился уже пять лет, что по Гошиным меркам было уже прилично, отчего Гошин организм все чаще требовал разнообразия. Однако деньги делали свое дело, и Наташа закрывала глаза на небольшие Гошины грешки, хотя и знала о них прекрасно. Да и Гоша ничего особенно не скрывал. По его собственному выражению, плевать он хотел на ее мнение по этому поводу, а если ей что-то не нравится, то она может проваливать. А вообще она должна быть благодарна ему за то, что связал с ней жизнь да еще и форму поддерживает. А поддерживать форму – это уж природа диктует, требует разнообразия. Тут ничего не поделаешь.

Наташа была умной женщиной и имела все, что можно было поиметь в ее положении (собственно говоря, это были деньги), глядя сквозь пальцы на некоторые особенности мужа и прежде всего на его активность по отношению к противоположному полу. Само собой разумеется, что в дальнейшем, когда у Гоши начались финансовые и другие неприятности, она с ним развелась, ни секунды не раздумывая.

Вадим был сыном Гоши от его второй жены Юли и жил по большей части с ней и ее новым мужем Виктором. Витя оказался человеком порядочным и к Вадиму относился пускай и не с любовью, но, по крайней мере, нейтрально, не позволяя себе каких-либо серьезных воспитательных воздействий. И вряд ли на эту его позицию оказал какое-то влияние Гоша, который, узнав от сына, что его мать сошлась с каким-то мужиком, сразу же поехал к этому мужику, то есть к Вите, и сказал, что если узнает, будто тот грубит его сыну, все ребра ему переломает, а также ноги, так что тот будет только лежать и харкать кровью, пока не сдохнет. Витя прослушал это предупреждение и сказал Гоше, чтобы тот проваливал и не переживал без повода. Гоша кивнул, прищурил глаза, сказал: «Ну ты меня понял» – и ушел, но с тех пор с нетерпением ждал, когда Витя его сына все-таки обидит.

Однако никак не мог он этого дожидаться и в глубине души по этому поводу очень огорчался. Часто, когда Вадим приходил к отцу в гости, тот спрашивал:

– Ну как там этот козел себя ведет? Не обижает тебя?

На это Вадим отвечал:

– Нет, все нормально.

И Гоша разочаровано вздыхал:

– Ну ладно. Если он что позволит себе, сразу скажи...

И кто знает, что играло бóльшую роль в этом стремлении Гоши наказать Витю: то ли действительно желание обеспечить безопасное существование своего сына, то ли ревность к бывшей жене. Скорее всего и то и другое. И хотя бывшая жена ему не изменяла и развелись они по другой причине – потому что, по ее словам, Гоша был самодур и потаскун, – а Витю она нашла уже позже, спустя почти год после развода, Гошу такой ее поступок задел до глубины души. Он считал ее своей собственностью, и, по его мнению, права на самостоятельную жизнь и тем более на другого мужчину она не имела даже после развода. Вдобавок ко всему это не он ее бросил, а она сама ушла от него. Ушла от него и нашла другого. Гоше это было трудно принять, и он уже который год не мог успокоиться.

Юля же, с одной стороны, была женщиной принципиальной в том, что касается мужчин (и измен, и всякого паскудного поведения терпеть не могла), а с другой – очень покладистой и мягкой в том, что касается сына, позволяя своему чаду буквально все. Такой ее подход в сочетании с Гошиными нравоучениями и уроками правильной жизни при почти полном отсутствии влияния отчима делал свое дело и обеспечивал все перспективы для такого будущего Вадима, которое вскорости и наступило.

Ясно было, что поступать в ПТУ – дело неперспективное и дурацкое, а потому Вадима после девятого класса заставили учиться в школе еще два года. Насчет образования вообще странно вышло. Гоша сам окончил восемь классов, после чего поступил в техникум, отучился на автослесаря и какое-то время после армии даже работал по специальности в автомастерской, пока его оттуда не выгнали за то, что сумел со всеми разругаться и дошел до того, что заявил начальнику при всем коллективе, что «засунет ему в задницу коленвал и будет крутить, пока дым не пойдет». В дальнейшем он кем только ни работал, но занятия свои, все без исключения, рассматривал только как средство заработка и работу ненавидел. А еще больше ненавидел тех, у кого работа была связана с интеллектуальным, а не физическим трудом. Этих он презирал – и их самих, и их образование.

Однако же, всю жизнь будучи уверенным в правильности такого своего мировоззрения, когда дело дошло до обучения сына, он решил однозначно, что образование ребенку нужно непременно высшее. И причина была не в том, что Гоша вдруг стал уважительно относиться к интеллектуальному труду, но в том, что своими большими ноздрями как будто учуял он современные тренды и понял, что без этого самого образования перспектив у его сына просто нет. Получить образование, однако же, по Гошиному мнению, никак не означало учиться. Школу нужно было просто окончить (лишь бы не выгнали), а в институте – провалять дурака пять

лет на платном отделении, покупая вдобавок каждую сессию, чтобы в итоге просто получить диплом. А потом – свой бизнес или устройство в какую-нибудь контору по знакомству (это уж если сам захочет). Дураки пусть учатся, чтобы потом выбрать, где вкалывать за гроши: на заводах или в конторах вроде Гошиной. Все равно им уготована унижительная жизнь и нищенская старость. А сыну его – другая участь, и тут главное – жизни учиться, а не всем этим научным глупостям.

Решение о будущей специальности Вадима было принято очень просто, исходя из того, что круг достойных направлений для учебы с учетом Гошиного мировоззрения был сильно ограничен, а также из постулата, что Вадим – прирожденный лидер и сразу после окончания института будет руководить. Не иначе как Гоша видел в нем великого полководца, подобного ему самому, а также тешил собственные амбиции – какого сына растит!

Так и пошел Вадим учиться на специальность «менеджмент», но отнюдь не для того, чтобы потом, подобно большинству так называемых менеджеров (благодаря какому-то общенациональному искажению терминологии), продавать только начавшие набирать популярность мобильные телефоны, бытовую технику или еще что-нибудь, но для того, чтобы завести свой собственный бизнес или, благодаря Гошиным знакомствам, занять руководящую должность в чужом.

С первого же курса Вадим усвоил, что появляться в университете часто вовсе не обязательно, и пару раз в неделю – вполне даже достаточно; понял он, что здесь, как и во всем другом, деньги играют решающую роль, и если они есть, то вопрос с сессией может быть решен без каких-либо проблем. Все остальное время Вадим уделял развлечениям: улица с такими же, как и он, друзьями-раздолбаями, пивнухи, клубы, девочки, алкоголь, а затем и легкие наркотики. Очень скоро он перестал стесняться заваливаться домой пьяным, и если поначалу какую-то неловкость от читающегося во взгляде матери укора он ощущал, то на третий раз перестал и на ее робкие попытки сделать замечание отвечал сухо: «Отвали». Поначалу Виктор в такие минуты смотрел на него, скрипел зубами от злости, но молчал, будучи уверенным, что рано или поздно эта «бестолочь» (как он его про себя называл) получит свое. Конечно, высказывал он все, что думал по этому поводу, Юле, но она всегда принималась оправдывать сына, говоря, что у него «переходный возраст», что он «ищет себя», что «скоро это пройдет», и всегда останавливала Витю, который неоднократно порывался поговорить с Вадимом как следует.

Глава 3

Но однажды такой разговор все-таки состоялся и, как следовало предполагать, имел самые серьезные последствия.

Вадим, тогдашний студент второго курса, отмечал день рождения в компании друзей и подруг. Специально для этого мероприятия сняли квартиру и действовали по стандартному для таких случаев плану: начать в квартире пораньше, ближе к ночи поехать в клуб, там продолжить, под утро уже вернуться обратно в квартиру, где завершить праздник в объятиях подруг и поспать, если повезет, до вечера после бурного веселья. А дальше как бог даст – может, и продолжить.

И все бы пошло по намеченному плану, если бы Вадим не узнал, что Ира – девушка, с которой он тогда встречался – ему изменила. Ира была студенткой медицинского колледжа и жила в общежитии, в одной комнате с подругой Мариной, внешность имела привлекательную, сексапильную и считала, что от молодости надо брать все, пока эта самая молодость еще не прошла. Потому она, хоть и встречалась с Вадимом, не брезговала и другими, когда появлялась возможность.

Как раз накануне такая возможность в очередной раз появилась. Собрались в общежитии небольшой компанией две эти подружки, Ира и Марина, и два парня: ухажер Марины Сергей и его друг Костя – высокий лысый молодой человек, вида уверенного, мужественного, пивший водку так по-взрослому, как будто с пониманием процесса, не то что основная масса мальчишек в этом возрасте – не знают, как и подступиться: то подавятся, то еле-еле отхлебнут. Этот был другой, как будто взрослее, все делал красиво. И говорил хорошо, уверенно. Вечером, когда уже выпили прилично и съели почти всё, Марина с Сергеем сказали, что уезжают до утра, попрощались и ушли. Ира с Костей остались.

И вот теперь в этой самой квартире, где отмечали день рождения Вадима, пока все гости шумно и весело проводили время в других комнатах, Марина и Ира сидели вдвоем на кухне и разговаривали. Марина рассказала, что вчера они отправились к Сергею, потому что его родители уехали на дачу, и хорошо провели время, а потом спросила:

– Ну а вы как вчера... с Костей?

Ира ответила, глядя в окно:

– Нормально...

И поскольку секретов от подруги не имела, да и подобное было для нее в порядке вещей, добавила:

– Вчера он меня так оттрахал, что я до сих пор вспоминаю.

А потом посмотрела на дверь и увидела Вадима.

Не имело смысла притворяться, будто речь шла о нем, потому что вчера Ирина с Вадимом не встречалась. Не имело смысла просить прощения. Так она стояла и смотрела на него, а он на нее. Спустя секунду он сказал:

– Спасибо. «С днем рождения, Вадим».

И ушел.

Вообще такое поведение не слишком-то соответствовало нраву Вадима, и с большей вероятностью можно было ожидать от него другой реакции: криков, оскорблений, драки в конце концов. Но была одна деталь, благодаря которой он поступил именно так: неожиданно для всех и самого себя, глупо и малодушно (как он сам думал впоследствии), – он ее любил. По крайней мере, Вадим так считал. А на деле о том, являлось ли это чувство любовью, можно и порассуждать, и если это все-таки была любовь, то вот вопрос: к кому? Не к себе ли?

Так или иначе, любовь (о какой бы ни шла речь) была уязвлена, и впервые настолько сильно, поэтому первая его реакция была похожа на растерянность, порыв – сбежать, сперва

сбежать отсюда, а потом уже решать, что делать дальше. Хотя что делать и так было ясно. С ней – уже ничего. А вот с ним – с тем, который ее вчера... Конец ему. А впрочем, отложить, все отложить до завтра. Завтра решить. Нет, сегодня же... Убить его...

Выйдя на улицу, Вадим все же решил ехать домой. Да и других вариантов, в общем-то, не было, если не считать кабаков, всегда в таких случаях распахивающих свои дружеские объятия. Но в кабак не хотелось, к тому же изрядная доза алкоголя в крови уже была. Вадим поднялся на пятый этаж, позвонил. Открыл Витя. Хотя никогда раньше Вадим на отчима особо не огрызался, но в этот раз агрессия, скопившаяся внутри, видимо, сделала свое дело, и он, заходя в квартиру, рявкнул на него:

– Ну чё стал?! Отвали, урод!

Витя завелся мгновенно, сжал зубы и прошипел:

– Ты, пьяный придурок! Опять нажрался!

Вадим как будто получил то, чего в глубине души хотел, какой-то толчок, искру – и, уже толком не контролируя себя, с криком «Ах ты, сука!» нанес размашистый удар Вите в челюсть. Удар вышел неточным, скользящим и большого вреда не причинил, хотя и был неприятным. Витя, в свою очередь, не готовый терпеть такое обращение, запустил увесистый кулак Вадиму в нос. И этот удар имел большой успех: что-то хрустнуло, Вадим откинулся назад и почти упал, брызнула кровь, растеклась по Вадиному лицу, заляпала куртку, руки, которыми он инстинктивно закрылся от возможного продолжения... Но продолжения не было. Витя был в достаточной степени здравомыслящим человеком, чтобы не продолжать. Вадим сполз на пол и, размазывая руками сопливо-кровавое месиво, скулил и матерился.

Подбежала Юля, вся в слезах, кинулась спасать сына и ругать Витю, что, мол, инвалидом сделал ее единственное чадо, что своих детей нет, так над чужими издевается, что она терпеть такого не будет, а на замечание Вити, что сын ее – пьяный придурок и сам начал драться, сказала, чтобы тот убирался к черту. Конечно же, Витя дальше соседней комнаты никуда убираться не хотел, а потому пошел смотреть телевизор, оставив остальных участников этой семейной драмы наедине друг с другом, сломанным носом, ручьями слез и лужей крови.

Уже лежа на диване и не находя себе места от всхлипываний жены, совершенно неуместных, Витя крикнул:

– Ничего с ним не случится! Выспится, к врачу сходит и все на этом! А то совсем оборзел уже!

Ответа от жены не последовало, зато раздался вопль Вадима:

– Ну все, пиздец тебе, урод! Сдохнешь скоро! Молись!

И опять – завывания Юли из коридора, потом из кухни.

Вадим разделся, залез в ванну. Он сидел, глядя на плавающие от выпитого и после удара квадратики плитки на стене, вытирал все еще сочившуюся кровь, сопли, слюни – и думал, злобно думал о том, как отомстит он своим врагам, которых отныне было трое: его теперь уже бывшая подруга Ира, ее новый, пока еще неизвестный Вадиму любовник и Витя, этот урод, посмевавшийся поднять руку на любимого сына женщины, с которой живет. Что касается Вити, тут было просто – поговорить с ребятами и избить ублюдка, и как можно раньше, может быть даже завтра. С остальными сложнее. Ириного дружка нужно было еще найти. А с ней... С ней – отложить напоследок. А может, и вообще ничего не делать. Что с нее взять. Дура. А вот тот на чужую бабу залез. Этого простить нельзя.

Вадим рассматривал плывущим взглядом комнату, слышал звук вибрирующего телефона (тогда у него уже был мобильный телефон, большой и неудобный). Опять. Наверное, она. Он вылез из ванны, вытер руки, взял телефон. Нет, не она. Звонил его друг Денис по кличке Дед, который получил свое прозвище за привычку сутулиться при ходьбе, неспешность и в самом деле стариковские манеры. Кроме того, он был уважаем среди пацанов, к его мнению прислу-

шивались, и зачастую его слово было решающим – что-то вроде местного авторитета в этой компании. Вадим взял трубку.

- Аллю.
- Вадя, ну ты чё? Куда уехал? Чё случилось?
- Все нормально. Тут просто проблемка одна. Дома. Вы продолжайте там без меня.
- Слушай, ну твою днюху отмечаем же. Как без тебя?
- Я, может, позже приеду. Короче, скажи там, чтоб не переживали, все нормально.
- Может, подъехать куда, помочь?
- Нет. Я дома. Серьезно, дома. Все. Завтра обсудим. Давай.

Вадим положил трубку, зашел в меню и пролистал журнал пропущенных вызовов. Три от Деда, еще три с неизвестных номеров. От Иры ни одного. Вот сука, даже не позвонила ни разу. Потом вспомнил: да у нее же мобильного нет. Как она позвонит-то? Витя, мудака, похоже, мозги хорошо сотряс.

Вадим положил мобильник, залез обратно в ванну, стараясь не упасть, и продолжил думать. Итак, первым в очереди на расправу был Витя, и заняться им следовало завтра же, сразу после посещения больницы и всех необходимых манипуляций со сломанным носом...

Однако, как это часто бывает, события пошли по какому-то своему плану, и как-то подураски, гораздо хуже и для Вити, и для всех. А вышло так, что Гоша на другой день позвонил Юле спросить о каком-то документе, который никак не мог найти и подумал, что, может быть, он у нее остался. И Юля на вопрос о том, как там сын, сказала, что вчера Вадим с Витей подрались. Быстро сообразила она, что болтнула лишнего, и попыталась успокоить Гошу, говоря, что все в порядке, но было уже поздно. Гоша что-то прошипел и положил трубку. Затем он позвонил Вадиму убедиться, что с ним все нормально и действительно убедился. Однако это убеждение никак не изменило ход дальнейших событий и никак не повлияло на реализацию плана, уже созревшего в Гошиной голове.

В больнице Вадиму сделали снимки, сказали, что трещина есть, но ничего страшного, само должно зажить, главное – беречься и драк избегать. Прямо из больницы Вадим поехал на съемную квартиру, где после вчерашней и сегодняшней пьянки с сильным похмельем боролись уже известный нам Денис Рубанов по прозвищу Дед, Леха Овсенко по кличке Овес и Артем Иванов, он же Иван. С ними оказались три девицы, которые бог знает в какой последовательности, кем и как использовались, а потому, собственно, были не в счет. Своих постоянных подруг у этих ребят не имелось, поэтому они всегда находили разных – или знакомились (что было предпочтительнее), или вызывали временных спутниц (что доставляло меньше радости, но все же было действенным вариантом, когда хотелось любви и нежности). Этих, раз они так надолго задержались, скорее всего, не вызывали. По крайней мере именно так подумал Вадим, когда через открытую входную дверь зашел в накуренное, пропитанное запахом перегоревшего спирта помещение и увидел в нем весь этот коллектив.

Четверо сидели за столом – Дед, Овес и две девушки, а Иван расположился на диване с третьей девушкой, навалившись на нее и поглаживая гладкую кожу ее бедра. Дед первым увидел вошедшего Вадима и от удивления вытянул шею, как жираф:

- Твою ж мать! Вадя, чё у тебя с рожей?
- Да так.

Вадим вошел в комнату, пожал руку каждому из друзей, девушек проигнорировал – не поздоровался, не представился и вообще повел себя так, как будто их и вовсе не было, сел за стол.

- Так, что тут у вас? Пиво есть?

Вопрос был риторическим, потому что пиво как раз было, его-то друзья и пили. На столе стояли пивные бутылки и остатки вчерашней закуски. Овес буркнул сидящей рядом девушке:

- Оля, дай стакан.

Та молча встала, подошла к шкафу, достала стакан и поставила перед Вадимом. Овес открыл бутылку, Вадим налил себе, отхлебнул и задал еще один риторический вопрос:

– Ну как вы вчера?

Овес ответил:

– Да как. Нормально. Сам видишь. В клуб поехали, а потом обратно, сюда.

«Да уж, – подумал Вадим. – Вижу».

Повисла пауза. О других подробностях вчерашнего веселья Овес рассказывать не торопился. Иван по-прежнему сидел на диване и молча наблюдал за происходящим, поглаживая свою подругу. Дед разглядывал распухшее и посиневшее лицо Вадима. Он-то и прервал тишину, повторив свой вопрос:

– Так что с лицом-то?

– С лицом... Да нашелся тут один мудака. Сейчас обсудим.

Дед посмотрел по очереди на подружек и скомандовал:

– Девочки, подождите-ка нас на кухне. Или в другой комнате телик посмотрите. Возьмите себе вот пива, вина. Еды какой-нибудь. А мы сейчас поговорим и придем к вам.

Была у этих друзей привычка не обсуждать, как они это называли, «дела», при девушках – эдакий признак взрослого подхода, по их мнению: мужики дела делают, а женщины парят рядом в блаженном неведении и мужиками восхищаются, вдохновляя их на новые подвиги. И хотя эти подружки никакими вдохновительницами не были, но с ними, как и всегда, изображалось одно и то же. Да и нечего им знать лишнего: мало ли какими решениями могло закончиться сегодняшнее обсуждение, здесь может и криминалом пахнуть.

Девочки вышли, и Вадим рассказал друзьям обо всем произошедшем вчера: и о том, как узнал про измену Иры, и о том, как подрался с отчимом. Начало драки, правда, он описал несколько иначе, чем было на самом деле, – вроде как отчим на него накинулся, когда открыл дверь и увидел, что Вадим пьяный.

Иван, до этого молчавший, прокомментировал:

– Да, Ирка сука.

Овес высказал свое мнение:

– Я бы на твоём месте придушил её... Вместе с тем уродом.

А Дед, как всегда смотревший на проблему немного шире, чем остальные друзья, решил уточнить:

– Слушай, Вадя, а чего он накинулся на тебя? Раньше же такого не было?

– А я почему знаю? Ну да, сказал я ему типа отвали и типа рукой толкнул. А он сразу в рожу.

Дед не слишком-то поверил такому объяснению, но глубже решил не копать. Смысла в этом не было никакого: о чем пойдет речь дальше, он предполагал (да это было очевидно), а что касается его самого и собственных действий, то для себя он все уже решил. А потому просто спросил:

– И что делать будешь?

Вадим ответил, не задумываясь:

– Наказать их надо. С этой сукой я пока не знаю, что делать... Сам разберусь с ней... Потом... А Витю надо отпиздить, и того ублюдка найти. Короче, пацаны, с Витей надо решать сегодня же. Помощь ваша нужна.

Такая просьба, особенно на фоне выпитого, Овса и Ивана сильно взбодрила, и они выразили свою готовность идти бить Витю хоть немедленно:

– Да не вопрос, Вадя. Он у нас таких выхватит, что кланяться тебе будет каждый раз. Пидор... Пошли!..

Вадим, однако, сказал, что сейчас идти рано: только три часа, отчим на работе и придет около шести. Поэтому надо выдвигаться в половине шестого и караулить его в подъезде. Двое

друзей даже обрадовались такому графику, потому что у них имелось еще два с лишним часа, чтобы допить остатки спиртного. И только Дед не выказывал признаков радости и, после того как шум по поводу принятого решения идти бить Витю немного поутих, сказал:

– Пацаны, погодите. Само собой, этого хмыря надо проучить. Я ему лично ногу сломаю. Но предлагаю завтра.

Вадим посмотрел на Деда как на предателя и возмутился:

– Почему завтра? Я тут со сломанным носом и синей рожей хожу, а он, падла, гуляет, как ни в чем не бывало. Ты чё, Дед?

– Да ты посмотри. Мы со вчерашнего дня не просыхаем. Не соображаем уже ни хера. Осталось еще на пьяную голову дел натворить. Или убьем на хер его, или вообще ничего не получится. Овес щас выйдет за дверь и уснет. Иван вон уже на диван присел. А ты говоришь, еще два часа ждать. Мы ж не ждать будем, а бухать. Сам нас через два часа собирать будешь? Надо поспать хотя бы. Тут еще шлюхи эти. Щас при них поговорим, типа все нормально, замяли тему. А завтра все сделаем, так же вечером, красиво.

В итоге все поддержали благоразумную идею Деда отложить казнь Вити. Назавтра же сговорились встретиться в полшестого вечера и поджидать Витю у подъезда.

Однако предложение Деда основывалось отнюдь не на стремлении к тому, чтобы обставить это дело как можно лучше и как можно надежнее его организовать. Им двигало совсем другое: он с самого начала решил, что участвовать в этом не будет. А потому и нужно было перенести дело на завтра: сегодня-то ему не отвертеться, он уже здесь, а завтра – это завтра: и заболеть можно, и неприятность какую-то получить, да и вообще что угодно... К тому же сама идея идти бить Витю в подъезде казалась ему идиотической. Ну что там? Так, потолкаться только. Ну, еще так же дать в рожу. И на этом все. А не дай бог ненароком нанести серьезные травмы? Тут и соседи, и прохожие, и, небось, полно других свидетелей окажется. Но если хотят – пусть сходят, думал Дед, а я пас.

Глава 4

Но на другой день Деду не пришлось даже ничего придумывать, потому что все уже случилось накануне, то есть ровно сегодня, пока они вчетвером допивали пиво и болтали с друзьями. Разъяренный Гоша сам сделал то, что замышлял его сын с приятелями.

После разговора с бывшей женой Гоша впал в ярость, прыгнул в свой джип и поехал к Юле, чтобы несколько раз приложиться своей рукой к Витиному лицу. Он ехал и мечтал, как сломает ему челюсть, так что тот будет потом лежать в больнице, делать операции, ходить с болтами, стянутыми проволокой, и только шипеть, а не разговаривать. Потом он подумал, что сломает ему еще и руки, да так, чтобы они никогда ровно не срослись, чтобы никогда больше не повадно было ими размахивать. А потом подумал и про ноги, что нечего ему, такому уроду, и ходить. И много еще о чем думал, и какие только способы наказания ни вертелись в его голове, пока он не доехал до подъезда, зашел внутрь, поднялся на этаж, позвонил и... никто не открыл.

А дома никого не было. Юля, так и не дождавшись Вадима, который ушел с утра, чтобы пойти к врачу, но до сих пор не вернулся и трубку мобильного не брал (а он намеренно не брал – пусть беспокоится), пошла к подруге в гости в соседний дом (хоть как-то отвлечься от своих мрачных мыслей: а вдруг у него сотрясение, а вдруг кости сломаны); Витя был на работе; а Вадим, живой и относительно здоровый, с друзьями на съемной квартире обсуждал план мести. Так что Гоша позвонил еще несколько раз, помялся под дверью, выругался и, разочарованный, пошел обратно в машину – ждать.

Примерно через час ожидания и прослушивания своего любимого шансона он увидел идущую домой Юлю. Гошиной машины она не заметила, шла быстро, явно, как показалось Гоше, чем-то обеспокоенная. «Неужели дело плохо?» – подумал Гоша. Сначала он решил дожидаться Витю здесь, в машине, и настигнуть его в подъезде, но после того как увидел Юлю, которая была как будто расстроена, терпение его стало заканчиваться. Теперь он уже думал, что нужно идти к ним и ждать Витю там. Через десять минут терзаний он заглушил машину, вышел, двинулся было к подъезду, но подумал, что нет, что сейчас как начнут бабские сопли литься, так все только испортят, вернулся, сел в машину, запустил мотор, включил музыку и снова принялся ждать. Тут он решил еще раз позвонить Вадиму, с первых же фраз понял, что тот слегка захмелевший, обрадовался этому (значит, точно все в порядке) и после получения подтверждения, что все у Вадика все хорошо, попрощался:

– Ну ладно, сын, отдыхайте. Пацанам привет.

– Давай, папа.

Однако такая радостная новость вовсе не изменила Гошин настрой. Разве что немного смягчила: вроде того, что ноги можно и не ломать.

И тут он увидел идущего домой Витю. «Вот он идет мимо дома, сияет довольной рожей, аж светится, походка уверенная, думает – утвердился, нос разбил и утвердился, вот заходит в подъезд... Ну, сейчас посмотрим».

Гоша выскочил из машины, побежал к подъезду и настиг Витю на лестничной клетке третьего этажа. Витя слышал приближающийся сзади топот, но продолжал идти и обернуться решил, только когда кто-то бегущий уже был рядом и сзади раздался знакомый голос:

– Эй, урод!

Не успел Витя развернуться полностью, как почувствовал толчок в голову и ощутил, как вмиг тело стало непослушным и понеслось куда-то, в глазах мелькнули лестничные перила, стена, потолок, рот наполнился жижей с гадким металлическим привкусом, голова опустилась на что-то жесткое и холодное, и перед глазами – только потолок. А потом – толчки сбоку, и один из них, особенно сильный, – в руку, который вызвал такую боль, что потемнело в глазах

– и раздался крик. Лишь секундой позже отключающимся мозгом Витя осознал, что крик этот – его собственный.

Витю, лежащего на лестнице в крови и без сознания, обнаружила соседка, возвращавшаяся домой с работы. Она сразу позвала Юлю. Та пришла в ужас и впала в истерику, так что толку от нее не было практически никакого: бегала вокруг, то приседала, то вставала, то причитала, то ругалась. Кажется, она сама не понимала, что делает. Соседка вызвала скорую. К моменту приезда врачей Витя открыл глаза, что очень обрадовало Юлю – стало быть, жив. Его осмотрели, положили на носилки и унесли. Юле сказали, что, исходя из беглого осмотра, у него, скорее всего, сотрясение мозга, вероятно повреждение челюсти и однозначно перелом левой руки. Насчет остального – нужно смотреть, и смотреть они будут в больнице.

Вадим вернулся поздно вечером, изрядно выпивший и веселый, обнаружил дома только плачущую мать, без Вити, и спросил, в чем дело. Юля ответила, рыдая, что Витя в больнице с сотрясением мозга, переломом, а может быть, и чем-нибудь еще. На это Вадим ответил:

– Так ему и надо, уроду.

Юля возмутилась:

– Вадим, прекрати! Прекрати, слышишь! Он для нас старается, работает. Для тебя тоже.

А ты так! Ты же живешь с нами.

– Давно бы уехал, если б можно было, – огрызнулся Вадим.

– Господи, за что мне это все... – еще больше запричитала Юля.

– Кто его?

– Гоша.

– Гоша... В смысле папа?

– Да, папа твой. Гоша.

– За что?

– За то... – замялась Юля.

– Так за что?

– За то... За то, что вчера вы с Витей подрались...

Юля вся как будто съезжилась на стуле, а Вадим смотрел на нее обалделыми глазами:

– А откуда он узнал?

– Ну... – опять начала мямлить Юля.

– Я спрашиваю, откуда он узнал? – уже злым голосом повторил вопрос Вадим.

– Я нечаянно ему сказала... – призналась все-таки Юля – и дальше скороговоркой, захлебываясь слезами: – Я не хотела, я случайно, понимаешь, он позвонил, спросил, как дела, как ты, а я говорю, в больницу поехал, а он: зачем? А я... Ну что я скажу... Сказала, что вчера вы с Витей тут... Что уже все нормально, просто в больницу надо...

– Ладно, замолчи, – прервал ее Вадим. – Знаю, что он в курсе. Он звонил мне. Два раза сегодня.

Потом помолчал и добавил:

– Дура ты, мама.

И ушел в свою комнату. Там он разделся, лег на диван, который использовался и в качестве кровати, принялся рассматривать люстру и думать. Люстра слегка покачивалась от выпитого алкоголя, да и мысли не шли стройными рядами, особенно ввиду этого последнего события, которое нарушило все Вадины планы. Конечно, сам факт того, что Витя пострадал, и, судя по всему, серьезно, Вадима не мог не радовать. С другой стороны, вышло это совсем не так, как должно было бы: Вадим должен был сам, лично или с друзьями (что, в сущности, не имело значения) наказать обидчика, сам сломать ему нос за вчерашнее, сам насладиться выражением его лица при этом, запечатлеть в памяти момент, когда тот падает на лестницу с окровавленным лицом и выплевывает собственные зубы, сам... А тут вмешался папа и все испортил. Ведь он не просто лишил Вадима возможности лично почувствовать вкус победы,

глядя на искореженное тело поверженного врага, так еще и всю ситуацию перевернул с ног на голову, изменил самую суть: выходило теперь так, что папа пришел и наказал обидчика сына, как делают родители детей и подростков, когда те еще не могут за себя постоять. И выглядело так, что Вадим вроде как из этих, которые если что, так сразу в слезы: «Я щас папу позову!»

Вот на кой черт он полез, думал Вадя. Как завтра друзьям об этом сообщить? Они-то скажут что-то вроде: «Молодец у тебя батя, надо было вообще башку ему оторвать!», но вот подумают-то, что побежал заступаться как за маленького, а все потому, что сам Вадя не может... Такие бредовые мысли роились у Вадима в мозгу, а между тем не приходил ему в голову главный и единственно значимый вопрос: что будет с Витей дальше, как он себя поведет, если все обойдется, и какие последствия это событие будет иметь.

А последствия уже наступали. Виктор не стал ничего скрывать и выдумывать нелепые истории о том, как упал с лестницы, и сказал врачам, что его избили. Врачи, в свою очередь, сообщили в милицию, как должны делать в подобных случаях. В тот же вечер пришли милиционеры, зафиксировали Витино состояние, однако разговор с потерпевшим отложили по настоянию врачей на завтра, потому что сегодня Вите предстояли кое-какие процедуры, да к тому же чувствовал он себя не очень-то хорошо, страдая от болей во всем теле, тошноты и головокружения.

На другой день Вадим позвонил Деду сказать, что поход во имя мести отменяется. Своим звонком он опередил Деда, который сам уже был готов сообщить Вадиму, что со вчерашнего вечера не перестает блевать в унитаз: чем-то, видимо, отравился или просто перепил, и вообще так ему плохо, что почти помирает. Конечно, это было бы неправдой, потому что чувствовал себя Дед прекрасно и с самого утра, позавтракав, смотрел телевизор и наслаждался жизнью. Мобильника у него не было, а потому Вадим позвонил ему на домашний, и Дед, подняв трубку, тихо (на всякий случай) сказал:

– Алло.

– Дед, привет. Это Вадим.

Дед добавил хрипотцы и стал говорить еще тише и протяжнее, как будто голосовые связки двигаются с усилием, а слова даются с трудом:

– Вадя. Здорово.

Предусмотрительно не стал он выкладывать сразу версию о своей болезни, а решил послушать, что скажет Вадим. Неспроста же он звонит.

– Слушай, Дед, у нас, похоже, сегодня все отменяется.

Дед, конечно, обрадовался, но виду не подал:

– А чё так?

– Да вчера, пока мы тут бухали, батя подъехал к этому чёрту поговорить. Короче, он теперь в больнице.

– Да, батя твой мог... Серьезно там?

– Да хрен знает. Сотрясение, рука сломана, с рожей что-то.

– Ебать...

– Да. Так что, короче, отбой с этой темой.

– Ну да, ясное дело... Жалко... Я думал сам ему ёбнуть разок-другой...

– Ладно, Дед, давай, щас остальных предупрежу...

– Ладно, давай.

Дед только порадовался такому развитию событий.

В конце концов, думал он, от такого исхода всем хорошо. Да изначально идея нелепая была, и взяться за такое – дураком надо быть. И отец Вадин оказался дураком еще большим, чем Вадя. Точно буйвол безмозглый. «Теперь главное, чтобы выкрутился. А то ведь и посадить могут. А это будет вообще некстати, потому как планы у нас с пацанами серьезные, а без денег, которые есть только у Вади (вернее, у его папы), про них можно забыть. Ладно, посмотрим».

Так думал Дед, сидя на диване и переключая телевизионные каналы.

Вадим же позвонил остальным товарищам, Овсеенко и Иванову, предупредил первого и не застал второго. Овес искренне огорчился произошедшим, потому как уже был настроен действовать, руки его чесались и глаза горели:

– А я-то думал, что сам хоть пару раз ему врежу...

– Отложим до следующего раза.

– Ага.

А Иван с самого утра уехал к бабушке, вернулся только к вечеру и в намеченное время пришел к Вадиному подъезду. Простоял он там минут двадцать, но не дождался ни своих друзей, ни Вити, идущего с работы. Хотел было подняться на этаж и позвонить, но подумал, что, наверное, незачем. Да и мало ли что могло произойти. А спросят: зачем пришел? Дело-то щекотливое намечалось. В конце концов он мысленно обругал своих друзей и поплелся домой. В сущности, ему было все равно, бить Витю или не бить. За компанию и побил бы, а так, если бы ему предложили решать, – может, и не стал бы.

Вадим же в это время был дома и продолжал терзать себя мыслями о том, что вышло совсем не так, как ему хотелось и как должно было для восстановления справедливости. А так выходило, что и не он решил вопрос, а папа, и перед пацанами все же было как-то неловко, хотя они виду и не подавали, и удовольствия от Витиных увечий не было почти никакого.

Глава 5

На другой день к Гоше пришли милиционеры. Около его дома примерно в одиннадцать часов утра остановился милицейский уазик, из него вышли двое сотрудников, один крупный и даже полный, другой, наоборот, сухопарый, посмотрели на высокий забор, виднеющуюся за ним красную крышу дома, подошли к калитке, позвонили. Открыл Гоша, посмотрел на милиционеров, назвал их сразу про себя Толстый и Тонкий, изобразил удивление, хотя, конечно же, догадался, о чем пойдет речь.

Сотрудник, тот что крупнее, Толстый, представил себя, коллегу и сказал, что они приехал расспросить Гошу о случае, произошедшем с Виктором Трищенко. Гоша сделал вид, словно пытается вспомнить:

- Виктор... Трищенко... А это кто?
- Это муж вашей бывшей жены Юлии Васильевны.
- А... Точно. Да. Витя... Забыл его фамилию. Точно... Проходите... А что за случай?

Милиционеры зашли в дом. Гоша предложил чаю «или, может быть, чего-то покрепче», на что сотрудники не согласились, сославшись на то, что находятся на службе.

- Так что за случай с мужем моей бывшей жены?
- Виктор Трищенко был избит. И сейчас находится в больнице.
- Гоша не стал изображать сожаление по этому поводу. Подумал, что это было бы лишним.
- Так... А я здесь при чем?
- Он говорит, что это были вы.

На это Гоша сказал, что Витю он не бил, а если тому что-то почудилось, то и неудивительно, потому что у него явно с головой что-то не так, в чем они могут убедиться, если расспросят его сына, которому тот позавчера ни за что ни про что повредил нос.

– Вчера я позвонил Юле. Ну, бумажку одну найти не мог, думал, может, у нее где валяется. Ну вот. А она говорит: «Тут вчера Витя с Вадимом подрались». Я спрашиваю: «Почему?» А она: «У Вадима был день рождения, они отмечали, он пришел домой почему-то раньше. Мы вообще его не ждали. Витя открыл дверь. Ну и нос ему сломал».

Толстый призадумался:

- Да, интересная история.
- А что, Витя не рассказал? Так вы спросите.
- Обязательно спросим.
- Вадим даже в больницу ходил. Там все зафиксировано. Диагнозы все. Только он в милицию не побежал стучать на этого... Как мужик поступил потому что. А вообще я думаю, знаете, у Вити крыша потекла просто. Юлька-то так прямо не сказала, но вроде как намекнула. А про меня он...

Гоша печально и многозначительно вздохнул и продолжил:

- Про меня он... Да я вот что думаю... Тут зависть. Сперва на сыне моем оторвался. А теперь вот еще меня обвиняет в чем-то. Сам, небось, набросился на кого-нибудь в подъезде и получил по морде. Да и зачем мне в это лезть? Вадим у меня папан взрослый. Захотел бы – сам бы разобрался... Только вот теперь не надо уже.

Толстый спросил:

- То есть вы хотите сказать, что вчера к дому потерпевшего не ездили и в контакт с ним не вступали?

Гоша изобразил на лице искреннее удивление:

- Я вас умоляю! Да я его в последний раз видел год назад... Эх, жалкое зрелище... И как только Юлька с ним живет?..
- А где вы были вчера?

– Я? Да дома. Весь день дома был. Позавчера мы выпили, ну, за здоровье сына. У него день рождения был. Он-то с пацанами отмечал. Ну а мы тут, с женой, с Наташкой. Он хоть и не ее сын, но, считай, как родной, потому что мой! Ну, выпили... – Здесь Гоша перешел на заговорщический шепот: – Выпили-то на самом деле много. Ну, Наташка-то нет, а я крепко выпил. Две бутылки. А вчера дома весь день лежал. Думал, помру. Ну куда мне после такого ехать?

– И жена ваша дома была?

– Да, была. Она у меня вообще почти всегда дома. Сейчас вот только к подруге поехала. А так можете у нее спросить. Да и чего мне врать? Говорю вам: Вадим, если бы захотел, сам бы ему голову открутил... Если уж по-честному. Но, похоже, кто-то другой постарался...

– Да, похоже... Только вот потерпевший утверждает, что это вы были.

И снова Гошино удивление, только на этот раз смешанное с раздражением:

– Да говорю же, с похмелья я валялся весь день! Мужики, ну серьезно. Ну куда с перепоя можно сунуться? Тем более на такое дело. Самому еще вломят. А этот Витя, точно вам говорю, с ума сошел. – И опять заговорщически: – Я думаю, тут вот такое дело... Никак он мне Юльку простить не может. Витька-то вроде муж ее, а она-то как что, так мне звонит. Ну, помочь чего или просто посоветовать. Потому что я решаю вопросы... Да и живу не как он. Сами видите... Он гроши получает на своем заводе, а может, и выгнали уже, вот и бесится. А тут еще сын наш с ними живет. Говорил я в свое время Юльке: оставь его мне! Так нет, «я мать», и все такое. Сами понимаете, сложно тут все. Сперва Вадима избил ни за что, потом от кого-то по морде получил, небось потому, что сам первый набросился. Я бы на вашем месте присмотрелся к нему... А мне он на кой черт сдался, не знаю...

Толстый сказал:

– Хорошо, Георгий Иванович. С женой вашей мы обязательно поговорим. Жаль, конечно, что ее дома нет. Значит, в другой раз. А вы пока никуда не уезжайте. Это так, просьба. Неофициальная пока, так скажем...

– Да куда я уеду-то? Я здесь постоянно. Найти меня всегда можете. Или позвоните, если что. Если надо, я и сам приеду. Сейчас...

Гоша вышел в другую комнату, порылся где-то, вернулся, протянул милиционерам визитки:

ООО «Вкусная страна»

Георгий Иванович Власов

Генеральный директор

Тонкий, молчавший во время всего разговора, как будто решил исправиться и, разглядывая визитку, сказал:

– «Вкусная страна»...

Но мысль, однако, продолжать не стал.

Зато продолжил Гоша:

– Да это я кафе небольшое держу... На набережной. Называется «На берегу», около речного вокзала. Кстати! Захотите отметить что-нибудь или просто посидеть – устроим. Номер на визитке есть, позвоните просто... Таким гостям всегда рады...

А потом, как будто что-то сообразив, сказал: «Кстати...» – и опять убежал в другую комнату. Вернулся он минут через пять с коробкой:

– Кстати... Раз уж так, на службе, нельзя, возьмите с собой. Вот, отличный коньяк, у нас тут такой редко где найдете, в наше-то время. Подделывают много. А это настоящий. Для себя берем. Ну, и в кафе наше, конечно, сами понимаете... А это, пока к нам собираетесь, небольшой презент...

Милиционеры переглянулись. «Хеннеси» им снился только в самых хороших снах, а тут Гоша притащил целую коробку с шестью бутылками. Для приличия скорее Толстый засопровтивлялся:

– Георгий Иванович, ну как-то не положено. На службе же...

Но Гоша настаивал:

– Так не сейчас же! Дома. Вечерком, с женой, с друзьями, в баньке... Коньяк-то хороший. Да и у сына день рождения был. Думали отметить все вместе, да тут такое. Как теперь отмечать?.. Короче, очень прошу вас и вообще от всей души...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.